

Онъ не поэтъ-психологъ, какъ Поль Буржэ; въ его анализъ меньше блеска, въ его портретахъ меньше изящества и закрученности,—но они ближе къ дѣйствительности, болѣе сходны съ оригиналами. Статья о Гюго—одна изъ самыхъ выдающихся въ обоихъ сборникахъ Фагэ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, одна изъ наиболѣе характеристичныхъ для самого критика.

Основываясь на автобіографическихъ данныхъ, разсѣянныхъ во всѣхъ произведеніяхъ Гюго, „чрезвычайно легко и чрезвычайно пріятно было бы создать фигуру, достойную Плутарха: фигуру стойка, неукротимаго, великодушнаго и мягкаго, олицетворяющаго собою долгъ и добродѣтель“. Привлекательность этой задачи не подкупаетъ Фагэ; онъ знаетъ, что первая обязанность критики—правдивость, и точно снѣспитъ закалить себя противъ соблазна, выставляя цѣлый рядъ положеній, отъ которыхъ долженъ встать дыбомъ каждый волосъ на головѣ поклонниковъ В. Гюго. Характеръ В. Гюго былъ заурядный, не возвышавшійся надъ среднимъ уровнемъ. Когда въ немъ пробуждалось тщеславіе, оно овладѣвало имъ всецѣло, а бодрствовало оно въ немъ почти постоянно. Ему была чужда мрачная гордость Байрона или Шатобріана, чужда женская кокетливость Ламартина; онъ тщеславенъ какъ буржуа, исполненъ удивленія къ самому себѣ, наивнаго, открыто выставляемаго наружу. Онъ сравниваетъ себя то съ Атлантомъ, несущимъ на себѣ вселенную, то съ Момбланомъ, то съ свѣточемъ, назначеніе котораго — свѣтить міру. Онъ доходитъ въ этомъ до смѣшнаго, не чувствуя, что становится смѣшнымъ; онъ совершенно лишенъ такта, чувства мѣры. Все это, вмѣстѣ взятое, образуетъ одно цѣлое, которое нужно назвать настоящимъ его именемъ: *педантизмъ*. Педантизмъ несомнѣтеленъ съ остроуміемъ; и дѣйствительно, истиннаго остроумія—остроумія Лафонтена, Мольера, Вольтера, Гейне—у В. Гюго нѣтъ и слѣда. Есть, однако, другой родъ ума, вытекающій изъ необузданной, капризной фантазіи, падкій на странные, непредвидѣнные контрасты, склонный къ парадоксамъ, къ пародіи, къ шутовству, къ игрѣ словъ и каламбуру. Это—веселость воображенія, подобно тому, какъ остроуміе—веселость разсудка. Провески такого ума встрѣчаются у Аріоста, у Шекспира, въ испанскомъ театрѣ. Его было много у людей тридцатыхъ годовъ; В. Гюго владѣетъ всѣми его формами, отъ высшихъ до низшихъ. Этотъ умъ—при отсутствіи контроля со стороны другого, настоящаго ума—представляетъ одну немаловажную опасность: ему случается слишкомъ серьезно относиться къ самому себѣ. Игру фантазіи В. Гюго принимаетъ иногда за идею, шутку—за открытіе;